

О.И. Чеснокова

Славянский феминизм на советском и постсоветском пространстве: практика и теория женского движения

Родиной феминизма как социально-политического феномена является западный мир. За два прошедших века (XIX и XX) феминизм превратился из политического движения за права женщин в философскую парадигму осмысления мира. Исследователи, изучающие эволюцию западного феминизма, отмечают три его «волны» [1]. Первым этапом было суфражистское движение в Англии и Америке конца XIX века, второй этап наступил в 60-х г. XX столетия. Он был связан как с контркультурными тенденциями этого времени, так и с технологическим прогрессом. Третий этап – это постфеминизм или гендерные исследования конца XX – начала XXI века. Феминизм был и является достаточно пёстрым и разнородным течением. Но всё же представляется возможным выделить его основные идеи. Они направлены на коррекцию неравенства и асимметрии в традиционных гендерных ролях мужчин и женщин.

По мнению И.Р. Чикаловой их можно сгруппировать в 4 блока. Первая группа требований связана с проблемой социального равенства мужчин и женщин. Это требования политического равноправия, равенства в образовании, равенства в трудовых отношениях, т.е. равенство оплаты, статуса и возможностей. Вторая группа требований касается семьи и детей. Эти проблемы считаются по преимуществу женскими, но должны ли таковыми оставаться? Это вопросы воспитания детей в семье и общественных заведениях, проблемы пособий на детей и отпусков по уходу за ребёнком (не только для матери, но и для отца). К третьей группе относится так называемая «политика тела», т.е. область репродуктивных прав женщины. В четвёртый блок входят требования защиты личности от социального и сексуального домогательства, насилия в семье и обществе. Здесь личные проблемы переносятся на общественный уровень, тем самым реализуется лозунг феминизма второй волны – «личное – значит политическое» [2].

Возникает закономерный вопрос об актуальности этих требований для современных славянских обществ, которые находятся на стадии переходной экономики с плюралистическим набором ценностей. Является ли калькой с западного феминизма женское движение на советском и постсоветском пространстве в России, Украине и Беларуси. И третий вопрос – насколько новы для нашей культуры требования западного феминизма?

Женское движение в России имеет такую же долгую историю как и на Западе. Правда, возникло оно сначала на волне требований равного высшего образования. Они стали раздаваться в России уже в 50-60-х гг. XIX века [3].

В 70-х годах сначала в Петербурге, затем в Москве, Харькове, Киеве, Казани были открыты высшие курсы – педагогические, медицинские и «университетские» [4].

В конце XIX - начале XX века «женский вопрос» приобрёл особую остроту, т.к. был внесён в обширную революционную программу преобразования общества. В революционном движении тогда участвовало около 20 % женщин. 23 февраля 1917 года (8 марта по новому стилю) работающие женщины с детьми вышли на улицы Петрограда с лозунгами «Мира» и «Хлеба». 2 марта царь отрёкся от престола, было сформировано Временное правительство. 20 июля 1917 года женщинам было дано право голоса и избирательные права (этих прав не было у женщин Англии до 1918 года, у американок – до 1920 года).

После октябрьской революции наступило противоречивое десятилетие. В это время страна Советов стала гигантской лабораторией для социальных экспериментов как над женщинами, так и над мужчинами [5]. Либерально-настроенные теоретики женского движения, среди которых были А. Коллонтай, И. Арманд, провозгласили наступление «полового коммунизма». По мнению Коллонтай, семья – это буржуазная форма закабаления полов. В новом обществе она должна исчезнуть, на смену ей придёт брак, то есть «преображенный Эрос», который будет основываться на свободе, здоровье и сексуальной привлекательности. А. Коллонтай говорит о рождении «новой женщины» – энергичной и самоуверждающейся, независимой от мужчины как материально, так и эмоционально. Материнство в новую эпоху становится не личным, а общественным долгом. Эгоистическая любовь к собственному ребёнку должна расширяться до принятия всех детей в великую пролетарскую семью. В работе «Революция быта» она писала, что «человек, воспитанный в воспитательных учреждениях трудреспублики, будет значительно более приспособлен для жизни в трудовой коммуне, чем человек, детство которого прошло в замкнутой сфере эгоистических привычек семьи» [6]. Такой радикализм был характерен для первых лет Советской власти. Лозунг Коллонтай «Свободу крылатому Эросу» рассматривался как важный принцип партийной работы. С 1920 года Коллонтай получила возможность не только пропагандировать, но и насаждать свои собственные взгляды, т.к. стала заведовать Женотделом ЦК партии. Эти политические лозунги были реализованы на практике. В декабре 1917 года были изданы либеральные декреты о разводе и браке, в частности отменялся религиозный брак, упрощались процедуры брака и развода, всеми правами наделялись внебрачные дети и т.п. В ноябре 1920 года были легализованы аборты. В это же время из уголовного кодекса РСФСР были изъяты статьи о наказании за однополую любовь [7].

Вытекала ли эта практика из марксистской теории? Основные теоретические положения по проблемам пола, брака и семьи можно обнаружить в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, Н.К. Крупской. Семья и женщина, по логике теоретиков, детерминированы экономически и политически. При капитализме женщина испытывает двойную эксплуатацию – она зависит от мужчины в собственной семье и эксплуатируется капиталистическим обществом. Поэтому если экономическая структура общества будет революционизирована, то исчезнет и буржуазная семья с её безразличностью и насилием. В классическом марксизме считается, что женское революционное движение может быть включено в общую революционную борьбу, но не должно являться самоцелью. В последнем случае это расценивалось как «буржуазная диверсия» [8]. Что впрочем и случилось с идеями феминистки настроенных женщин-революционерок, таких как И. Арманд и А. Коллонтай. В 1923 году Женотделы обвинили в «уклонизме», а в 1929 году упразднили. Эпоха либе-

рализма закончилась и восторжествовала сталинская идея создания стабильного общества с сильной семьёй. Однако семьёй пришлось и здесь пожертвовать. Ускоренная индустриализация требовала миллионы женских рабочих рук. Репрессии и войны обрушились в основном на мужскую часть населения, но последствия этого тяжёлым грузом легли на плечи женщин. После второй мировой войны кормильца не было у 1/3 семей, поэтому работа для женщины стала необходимостью, а не прихотью. Эта ситуация исказила отношения между полами. По мнению современного учёного Б. Кочубея, отголоски тех времён ощущаются и сегодня. Матери нежат своих сыновей, которые потом, заводя собственные семьи, продолжают вести себя как дети. Женщина в такой семье вынуждена выполнять обязанности и жены, и матери [9]. Поэтому в нашей культуре не так важна проблема «равенства полов» как проблема их отличия. Ведь история Советского государства – это история превращения женщины и мужчины в «советского гражданина», т.е. в существо бесполое. С другой стороны, – это история физического устранения мужского населения и болевой дрессуры женского. «Решение» женского вопроса в СССР фактически произошло за счёт уничтожения мужчин и насильственного вытягивания в экономику на освободившиеся места оставшихся в живых женщин.

Парадокс заключается в том, что женщина достаточно активно содействовала построению репрессивной модели общества. По мнению И. Сандомирской, идеологией советского общества стала «лагерная женская модель социального поведения» [10]. Её ценностями были одухотворение лагерного каторжного труда, готовность пожертвовать всем ради выживания, отношение к воли начальства как к стихийной силе. Тоталитарная власть последовательно уничтожала различия между полами, поэтому женская идеология одновременно становилась и мужской. Был создан «тоталитарный андрогин». Сознание советского человека освободилось не только от половой дихотомии, но и от исторической ответственности.

В эпоху крушения Советского Союза, во время серьёзного экономического и политического кризиса обострились отношения между полами. Французская феминистка Ф. Навейль, анализируя советскую модель гендера, в начале 90-х годов высказывала опасение, что «женские проблемы опять будут отложены на неопределённый срок и переподчинены, как в 1917 году, всеобъемлющей программе переустройства общества» [11]. Но это время стало эпохой возрождения славянского феминизма. В начале 90-х годов на всём славянском пространстве возникает независимое женское движение.

Первые феминистские группы появились в Ленинграде и Москве ещё в конце 70-х годов. Наиболее известна группа «Мария», в которую входили Ю. Вознесенская, Т. Горичева, Т. Мамонова, Л. Васильева и др. Они провозгласили целью своей деятельности борьбу «против всеобщего бесправия и гермафродитства, против рабства, стирающего разницу между мужчиной и женщиной». Это была реакция на эмансипацию по-советски с одной стороны, а с другой – попытка отмежеваться от западного феминизма, особенно в его радикальных вариантах. Позитивными ценностями советских феминисток стали идеи православия и образ Богородицы. Первый сборник «Женщина и Россия» группа выпустила в самиздате в 1979 году. Он был арестован. Та же судьба постигла журнал «Мария». Он был солидным по объёму, насыщенным фактической информацией. Это был «документальный срез мятежного и мятежающегося женского самосознания, ищущего духовную опору в бездуховном пространстве» [12]. В журнале кроме религиозно-теоретических статей печаталось много фактического материала о положении и правах женщин в России второй половины XX века. Это были статьи о разводах и абортах, о по-

ложении в детских домах и больницах, о женской бездомности, проституции, алкоголизме, наркомании, социальном и сексуальном насилии. Члены группы участвовали в правозащитных акциях, они открыто поддержали движение польской «Солидарности» и осудили ввод войск в Афганистан. Вскоре после выхода первого номера журнала эта организация стала объектом политического преследования, многих её участниц арестовали, а Горичеву вместе с двумя другими активистками «Христианского женского движения» выслали из страны.

Сегодня статьи ленинградских феминисток представляют собой не только историческую ценность. Прошло двадцать лет, но «двойное бремя» советской женщины переключалось в постсоветскую реальность под разговоры о равных правах; оказалось, что наличие равных прав не предполагает их автоматической реализации; но более того мы, наконец, поняли, что равенство может иметь свою оборотную сторону. В этой связи полезно вспомнить некоторые теоретические положения феминизма 80-х годов. Статья Татьяны Горичевой «Ведьмы в космосе» даёт возможность провести такую реконструкцию. Центральной её идеей является мысль о глубоком кризисе современной культуры, нацеленной на «тупое воспроизводство материальных благ». На такое бездумное существование обречены, как Запад, так и Восток. На Западе христианство стало привычкой. Бог абсолютно вытеснен светскими ценностями. Но в России самая тревожная ситуация, потому что она совсем отказалась от Бога и пожелала создать справедливый строй несправедливыми средствами. Из этого тупика есть выход – это внутреннее духовное воскресение славянского человека. В такой духовной революции именно женщина будет играть главную роль, потому что только женские ценности любви, чувства и сердца спасут мир. «Проблема освобождения женщины, – пишет она, – это не только и не столько политическая, сколько духовно-онтологическая задача наших дней. Наше общество – это общество гермафродитов. Тотальное искоренение всего человеческого создало бесполого гомункула, оскоточенного не только духовно, но и природно. Невротик и вечный эмбрион, он так и не дорастает до собственной зрелости, так и не обретает пол. Чтобы обрести самосознание, нужно выйти из тупика инфантильности и безответственности, нужно открыть в себе человека, имеющего историю и природу, т.е. пол» [13].

По мнению автора статьи, проблема освобождения женщины не только важнейшая для самой женщины, но и для всего общества в целом, потому что в нём зловещим образом сбылась ленинская мечта о кухарке, управляющей государством. В результате, в советском государстве осуществилась специфическая форма правления – «псевдоматриархальная антиутопия», т.е. всё общество превратилось в одну огромную кухню. «На кухне, у плиты, подчиняясь анонимным природным законам, прислушиваются к ветхим стихиям воды, огня и воздуха. Там привыкают к тоскливой цикличности природных процессов [13, с. 25]. У автора на фоне этой метафоры вырастают почти архетипические образы «Кухарки» и «Кухаря», которых сковал экзистенциальный паралич – вечно пассивная, выжидательная позиция; вера в рок и случайность. О живучести этой позиции сегодня говорят понятия, «политическая кухня», «журналистская кухня», «жареные факты» и др.

Где же выход из ситуации «псевдоматриархата»? Татьяна Горичева видит его на путях христианизации нашего общества. Она пишет: «Обретая Бога, человек обретает своё достоинство, свою экзистенцию. Дух даёт возможность выйти из утробы и плена ветхих стихий, ... открыть, что существует Другой, существует Ближний, Бог». Открывая Другого, мы впервые открываем себя в богатстве своего конечного бытия мужчиной и женщиной» [13, с. 26]. Здесь рождается главный вопрос славянского феминизма: как открыть в

женщине женское и дефеминизовать мужчину. Это одна из онтологических проблем славянского феминизма и славянской ментальности, неведомая феминизму западному (особенно в его классическом варианте). Мы встречаемся с феминистской парадигмой, индуцированной христианскими православными идеями. Однако славянское феминистское пространство сегодня представлено различными течениями и группами. Только в России сегодня насчитывается более 500 женских организаций. На Украине в Харькове, Киеве, Сумах активно работают Центры гендерных исследований, функционируют массовые общественно-политические организации, такие как «Женская громада», «Союз украинок», «Спилка женщин Украины» и др. В Беларуси существуют «Белорусская Ассоциация университетских женщин», «Белорусская Ассоциация молодых христианских женщин», «Лига женщин Беларуси», «Женское Независимое Демократическое движение» и многие другие организации. Также возникают не только политические, но и культурно-образовательные объединения и центры, например, Минский гендерный центр при Женском институте «Энвила», Центр гендерных исследований при ЕГУ и др. Цели этих объединений – не только защита прав женщин, но и защита окружающей среды, возрождение национальной культуры и решение социальных проблем.

Женское движение в восточнославянских странах не является сегодня однородным и монолитным. Женские организации имеют разные взгляды на женское движение, на место женщины в обществе, разную политическую ориентацию. Но эта разнородность является признаком не слабости, а силы, формой становления и возрождения женского движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Yasmine Ergas*. Feminisms of the 1970s // A history of women in the West. Harvard, 1996. С. 528-529.
2. *Чикалова И.Р.* Вторая волна феминизма: политические требования и достижения // Иной взгляд, 2000, март. С. 11-12.
3. *Тишкин Г.* Женский вопрос в России в 50-60-х гг. XIX века. М., 1984. С. 130.
4. *Чеснокова О.И.* Философский взгляд на женское образовательное движение в России XIX века // Женщина. Образование. Демократия. Мн., 1999. С. 57-58.
5. *Чеснокова О.И., Скребнев А.Ю.* Гендер в советской культуре: бесспорная или спорная модель // Женщина. Образование. Демократия. Мн., 2000. С.31-32.
6. *Коллонтай А.* Революция быта // Искусство кино, 1991, № 6. С. 108-109.
7. *Черных А.И.* Проблемы семьи и брака в первое десятилетие советской власти // Проблемы семьи и брака в марксистско-ленинской теории и советской практике. М. 1992. С. 176-177.
8. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана. М., 1973. С. 70.
9. *Кочубей Б.* Осень патриарха // Семья и школа, 1990, № 15. С. 11.
10. *Сандомирская И.* Дух буквы // Искусство кино, 1991, № 6. С. 12-13.
11. *Francoise Navailh*. The Soviet Model // Harvard, 1996. С. 254.
12. *Айвазова С.* Истоки феминизма. // Искусство кино, 1991, № 6. С. 23.
13. *Горичеева Т.* Ведьмы в космосе // Искусство кино, 1991, № 6. С. 24.

S U M M A R Y

Slavonic feminism appeared in Russia in the 60-s of the 19th century as the women's movement for the equal right of getting higher education. Its renaissance began at the end of the 20th century. Slavonic feminism is not a copy of the Western one, as it develops the idea of «equality in difference».

Поступила в редакцию 2.02.2001